

Юрий КОНОПЛЯННИКОВ

Случай был

Под Одессой, в то ещё давнее советское время, когда в лунном свете ночного южного лета интеллигентные люди — можно сказать, физики и лирики, — здорово подгуляв, расходясь по домам после свадьбы, вели по пустынной шоссе дороге одного из числа своих «физиков-лириков-очкариков», заботливо держа на собственных плечах его сонно висячие руки, а у того, наклонённого вперёд головой, внезапно упали на асфальт очки, и они, те, что вели безмятежно дремавшего на ходу собрата, оба разом нагнулись, чтобы поднять слетевшие наземь очки, после чего — что закономерно — их ведомый, оказавшись без поддержки, плашмя рухнул на дорогу... Но никто (заметьте — никто!) не пострадал: упавшего поставили на ноги, отряхнули в беспроглядной мгле, надели на нос окуляры и, качаясь из стороны в сторону, потопали дальше — до самой Одессы, где, очевидно, сев в такси, разъехались по домам. В разные стороны или в одну — этого уже никто не подтвердит.

Майор КГБ и друг Серёга

В царящем безвременьи, когда ты молод и полон сил, некуда себя деть. В профессиональном смысле в 90-е годы никто из нас, литераторов, не был востребован. И мы старались навещать друг друга.

Сначала ехали, допустим, к Серёге. Затем от Серёги — к нам. На одном из таких маршрутов — «от Серёги к нам» — произошла ссора. Подруга моего друга заявила, что он чурбан неотёсанный. А он ей сказал: «Ну и пошла ты!..». И отвернулся от нас, сидевших на заднем сиденье. А я был, конечно, занят своей подружкой, которая зажата была мной слева, и не обращал внимания на дорожный скандал. Но тут вдруг Марина — так звали возлюбленную Серёги, — бесшумно распахнув и захлопнув правую дверцу, на ходу выскочила из такси в октябрьский уличный свет хрустального дня осенней Москвы, легко перевернувшись, то есть сделала кульбит (колесо в воздухе), будучи в застёгнутом на все пуговицы кожаном чёрном пальто, и, оказавшись на тротуаре, пошла по нему буквально бульварной походкой, покачивая бедрами.

— Гляди! Гляди, что она выкинула! — воскликнул я.

— А-а! — сожалея, видимо, о таком финале (с разрывом отношений навсегда), махнул рукой Серёга: — Она майор КГБ!

Мы-то понятия не имели, кто эта Марина. Оказывается, вон кто!

Есть любовь

Если кто-то скажет, что срочная армейская служба и любовь несовместимы, то я буду тут сильно возражать.

Мы прибыли в учебку на Украину, в город Бердянск, из Забайкалья. А в армию я уходил из Усть-Каменогорска — это областной центр Восточного Казахстана.

Дней пять ехали из Усть-Каменогорска до Улан-Удэ. Дней десять после месячного прохождения курса молодого бойца доби-

рались до Бердянска. Таким образом, из сорока пяти дней и ночей, начиная с 10 мая по 25 июня, пятнадцать суток я провёл в воинских эшелонах. Словно бы в стойле. Словно бы на привязи, в полной зависимости от замкнутого пространства, от всех и каждого. А тридцать — на плацу и на учебном тактическом поле в Забайкальском военном округе, постигая азы армейской службы. Строевая и боевая подготовка задолбали до такой степени, что в голове одна только мысль пульсировала: как отсюда слить поскорее куда-нибудь? Возможность представилась: слиняли в Бердянск. Однако муштра, начавшаяся здесь, в учебке, вообще зашкалила — воспринималась, как беспредел, как издевательство над человеческим смыслом.

Вот стою я во время учебной подготовки в траншее, одной из тех, которыми фактически изрыт учебный полигон, где нас готовят к освоению зенитно-ракетной техники для прикрытия пехотных полков — «Шилок» и «Стрел» — и наблюдаю в перископ, как на противоположном, юго-восточном, берегу Азовского моря, в сегодняшнем Мариуполе, в тогдашнем Жданове, дымят заводские трубы, работают портовые краны. И хочется туда — в этот большой, цветущий в зелени солнечный город, в его гражданскую жизнь, исполненную любви и счастья.

А тут команда: «Стройся! На инструктаж!». И браво капитан, бывший суворовец, проходит вдоль строя, а у меня — я этого не вижу — пуговица на гимнастёрке расстегнулась. Тогда он достаёт маленький перочинный ножик, срезает все пуговицы и даёт команду: «Десять минут, чтобы добежать до подразделения, пришить пуговицы и стать в строй!». Когда я добежал, достиг цели, то крикнул дневальному-дагестанцу, добросердечному, всегда улыбчивому кумыку Яшке: «Быстро снимай свою и надевай мою гимнастёрку!». Он, сурово сдвинув брови, сходу понял, в чём дело, скинул свой солдатский верх, и я уже бежал обратно, застёгивая на бегу ремень и пуговицы. Но, когда я вернулся в строй, перед которым продолжал гарцевать капитан, давая наставления по боевой подготовке, с его командирским красноречием случился какой-то надлом. Он пару раз споткнулся, по лицу пробежала тень. Однако этот мой доблестный начальник в погонах капитана так и не решился спросить, как удалось «нерадивому» курсанту, коим я в его представлении в данной ситуации являлся, через десять минут стать в строй с пришитыми пуговицами и в той самой гимнастёрке, с которой он все их срезал.

Одним словом, не выдержав нагрузок и разного рода дисциплинарных взысканий, я надорвался. В организме произошёл сбой, я попал в госпиталь, напугав военврачей стабильно высоким давлением. Этот итог, конечно же, радовал, потому что давал передышку от бесконечных придинок и бестолковых, как воображалось, нареканий.

В палате, где помимо меня находились на обследовании ещё два курсантика-солдата: прибалт-латыш Янис и украинец из Мукачево Вася Тараненко, я сразу оказался в авторитете. Так как, по слухам, тиражируемым во врачебной среде местного значения, я явно не придурился и не косил. К тому же симптомы кризисной ситуации были налицо.

Поэтому Янис, голубоглазый шатен с весёлым нравом, обращаясь ко мне, пытался добиться для себя такого же медицинского результата, как у меня: прибегая к жаргонному словечку, ёрзая в кровати, то и дело, переворачиваясь с боку на бок, он всё просил: «Ой, Кеша (что значило «друг, приятель»), Кеша! Помоги! Подскажи, как комиссоваться?!». А украинец Вася Тараненко, в очередной раз посетив невро-

патолога, опять же почему-то именно мне хмуро жаловался в столовой за обедом: «Я им говорю: голова болит! А они в зад трубку вставляют!».

Ну, в таких обстоятельствах я, естественно, ничего не мог подсказать ни Янису, ни Васе, потому что страдал, как и мои друзья-товарищи по госпитальной койке, тем же солдатским недугом, что и они: процессом ломки молодого человеческого организма. И не столько физическим, сколько душевным, лишённым, как нам казалось тогда, высоких смыслов. Тем не менее, в отличие от Яниса и Васи, я не собирался комиссоваться. И поэтому методов симуляции не знал и никогда ими не интересовался. Я сочувствовал друзьям-товарищам из-за того, что у них не находят явных признаков болезни. В то же время подсказать ничего не мог.

А за окном столовой армейского лазарета, состоящего из одноэтажных зданий, огороженных простым и даже не выкрашенным серым штакетником, такое солнце сияло. Воздух был таким светлым и жизнерадостным, что никак не вязались с ним ни наш цыплячий вид в госпитальных пижамах с «чужого плеча», ни наша стрижка под нулёвку, ни наши тапочки из кожзаменителя на босу ногу, ни наши пустопорожние пересуды какой-нибудь новой, ничего не дающей медицинской процедуры.

Возвращаясь за свой стол с раздачи — к окну (ходил за компотом). И вижу, что по тротуару — этого не может быть! — идёт вся в шоколаде, как ныне говорят, загорелая, длинноногая — ноги прямо из-под мышек растут — на высоких каблуках, с потрясающей талией и обворожительным бюстом. Не идёт, а чешет, точно голливудская кинозвезда, великолепная кра-

савица-блондинка с дамской сумочкой на правом плече. И все, кто находился в столовой, прекратили ложками стучать. Вся солдатская масса оцепенела. А затем вздохнула, зачарованно смотря на то, как топают, искрится изяществом, молодостью, свежестью, женской красотой волшебная блондинка. И я, потрясённый, произношу так, что вся столовая снова оцепенела, одновременно испуская ещё один общий вздох, от того, что слышит:

— Мужики! По-моему, это ко мне.

Так и случилось: из Казахстана в Бердянск — через всю страну! — сюрпризом, без предупреждения прилетела Светлана, моя подруга по учёбе в Культпросвете. Успела загореть (у неё в Бердянске, оказывается, родной дядя с семьёй проживал) и добилась встречи.

В войсковую часть, в учебку, её не пустили, а в госпиталь она всё-таки проникла.

После этого никаких проблем с армейской службой (до самого окончания оной!) у меня не было.

Есть любовь! Я помню это.

Весна

Неожиданности подстерегают человека в самых непредвиденных местах и нередко в самые романтические моменты. Это обескураживает. Особенно, когда ты юн и преисполнен страсти.

Все мы росли в огромной стране. Удобств на всех не хватало (их не успевали созда-

вать). Это естественно. Потому-то, наверное, туалеты у нас чаще всего назывались уборными. Уборная, как правило, имела деревянный вид с множеством отхожих дыр. Освещение в ней, водослив, мытьё рук не предусматривались. Их и сейчас, таких уборных, думаю, в разных уголках России хватает.

И вот приспичило. Возвращаясь после долгого свидания под Луну в свой железнодорожный район. Весна. Проводил шестнадцатилетнюю, как и я, любимую из соседней школы домой — на улицу Графтио, которая от площади Ленина ступенями «одесской "потёмкинской"» лестницы спускается к Иртышу. Запах речного воздуха, аромат весны, губ любимой после прощального при расставании поцелуя переполняют грудь, чистой свежестью бьют в ноздри. Поднимаюсь к площади, иду через неё (она у нас центральная) к городской гостинице, во дворе которой и размещается общественная уборная. Высокая Луна делает небо практически прозрачным, по-ночному светлым. Я почти лечу, кружусь в сумрачном пространстве. Фонарные столбы к тому же производят качающиеся круги жёлтого света. Всё это в мечтательной, юной душе рождает красоту невероятных ощущений.

Вбегаю в уборную и быстро, несмотря на темноту, нахожу, забиваясь в угол. Лепота! Даже обычной вони нет.

В это время также домой после окончания вечерней смены, по всей видимости, со швейной фабрики возвращалась группа швей-мотористок, состоявшая из весёлых и, наверно, склонных к озорству женщин. Шли они задорно, смеялись. Не помню, правда, по поводу чего был смех. Да, скорее всего, по поводу весны. Весной всегда как-то по-новому хочется. Вдруг возле уборной они остановились и одна из женщин говорит:

— А давайте в мужскую зайдём!

Я обмер. Однако слышу вскоре топот ног и приглушённый хохот — все дружно согласились и всерьёз, всей гурьбой ринулись ко мне, в мужскую половину. Я перестал мечтать. Ни жив, ни мёртв сижу на корточках. Затаил дыхание. Никто меня не видит и не слышит.

Но, как только женщины расселись в темноте, как только солидарно закурачили струйки, сходу повзрослев, я осмелел, пришёл в себя, вспомнил почему-то про любимую, которой о происходящем, конечно, не расскажешь, и сделал носом многозначительное: «Гм-м!».

Тут-то наступил переполох: женщины, визжа и чуть ли не валя друг дружку в замкнутом тёмном пространстве на пол, спешно побежали наружу, крича, отбиваясь, словно их кто-то ловит, от самих себя. Оказавшись за пределами уборной, обретя таким образом свободу, они стали обхотываться в бодрящем сиянии Луны под открытым небом. И, не останавливаясь, двигаясь торопливым гуськом восвояси, продолжали смеяться над случившимся, удаляясь всё дальше и дальше.

А я, собираясь домой, приведу себя в порядок, вздохнул и порадовался: как хорошо всё-таки, что на земле стоит весна.

Враг народа

В нашем небольшом городке было немало бывших зеков. Они на равных, как и все остальные, строили социализм. Только своё отношение к этому строительству каждый из них проявлял весьма индивидуально. Вот, к примеру, как это выглядело (сам был тому свидетелем).

Мать кричит сыну из окна на первом этаже, высунувшись в форточку:

— Федька! Ты ж человека убил!

— А, ладно, — в пьяном угаре возвращаясь до дому, до хаты после только что совершённого убийства, отмахивается сын, бывший зек, — он враг народа!